

УДК 316-47

Сухушина**Елена Валерьевна,**

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
E-mail: elsukhush@inbox.ru

Абрамова**Мария Олеговна,**

старший преподаватель кафедры социологии Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
E-mail: abra@yandex.ru

Рыкун Артем Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, проректор Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
E-mail: a_rykun@mail.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗЫ МАСКУЛИННОСТИ
CONTEMPORARY VISIONS OF MASCULINITY**

Е.В. Сухушина, М.О. Абрамова, А.Ю. Рыкун

E.V. Sukhushina, M.O. Abramova, A.Y. Rykun

Томский государственный университет, Россия
Tomsk State University, Russia
E-mail: elsukhush@inbox.ru

Актуальность исследования связана с пересмотром образа «настоящего мужчины» в современном обществе. Во второй половине XX в. явно проявляется кризис маскулинности, который выражается в размытении/противоречивости требований традиционного канона маскулинности, а также в отсутствии самой возможности у современных мужчин соответствовать классическим требованиям. Это влияет на поведение и самоощущения взрослых мужчин и меняет процессы социализации подрастающего поколения мальчиков. Парадигмальной основой данного исследования выступает теория социального конструктивизма. Рассматриваются представления о наполнении образа «мужественности» – подходы к определению понятия, анализируются факторы трансформации феномена маскулинности, приводятся данные эмпирического исследования. Эмпирические данные получены с помощью социологических исследований в рамках качественной парадигмы. Использованы два метода: фокус-группы, где информантами выступали женщины, воспитывающие сыновей, и полуструктурированные интервью с молодыми мужчинами. В результате обнаруживается отсутствие не только единых представлений о содержательной наполненности образа маскулинности, но и отсутствие единодушия относительно самого нали-

чия сугубо мужских качеств. Хотя в целом можно выявить некие характеристики, которые конвенционально должны быть свойственны «настоящему мужчинам», значительная часть качеств признается относительной. К тому же анализ не позволяет выявить какие-либо качества, которые признаются как исключительно принадлежащие мужчинам и не требующиеся для женщин в современном обществе.

Ключевые слова: Маскулинность, мужественность, социализация мальчиков.

Contemporary society offers a revised version of the true masculinity. The revision occurred in the second half of the XXth century and manifested itself through the internal contradictions in the canon of masculinity. These were further aggravated by sheer impossibility for men to qualify as masculine in classical sense. The situation affects both grown men's self esteem and behavior and modifies boy's socialization. Using constructivism as a framework, the authors analyse the components and interpretations of «masculinity» and the factors transforming the latter. The data used in the article include focus-group and personal interview transcripts. The focus-groups involved single boy-raising mothers while the interviewees were young adult males. The methods revealed both the lack of coherent composition of the model masculinity and the absence of mutual opinion concerning the sheer existence of masculine qualities. Although some characteristics could be more or less consensually perceived as «true masculine», most were recognized as at least relative. Furthermore, the analysis did not reveal any features recognized as purely masculine because of their high relevance for a successful contemporary woman.

Key words: Masculinity, manhood, boy's socialization.

Актуальность

В современности о кризисе маскулинности говорят едва ли не чаще, чем о маскулинности в принципе. Это указывает на высокую актуальность данного вопроса. Что такое маскулинность? Каковы методолого-парадигмальные основания ее изучения? В чем состоят ее дискурсивные практики? Через какие элементы деятельности мы можем определить маскулинность? Через какие практики она усваивается? Перечень вопросов очень широк, при этом большинство участников дискуссии апеллируют к возможности описать настоящего мужчину через набор черт или характеристик. Однако возникает вопрос: насколько связным, с одной стороны, и инвариантным, с другой, будет такой набор?

Методолого-парадигмальные основания

Существует три основных методологических подхода к определению гендера в контексте его соотношения с полом. Первый, на котором основывались многие идеи классической социологии, относится к биологическому детерминизму и имеет эссенциалистские корни. Согласно данной позиции, гендер имеет внеисторический характер. В социологии он фундирует распространенную в классической ее версии поло-ролевую концепцию. Яркими примерами, демонстрирующими данный подход, является теория Т. Парсонса о распределении функций в семье, согласно которой женщина выполняет экспрессивную роль, что делает ее ответственной за домашнюю сферу, а мужчина – носитель инструментальной роли, что обязывает его выполнять функцию обеспечения и защиты семьи, которая неизбежно связывает мужчину с внешним миром, и крайне стереотипные высказывания Э. Дюркгейма: «... женщина, в общем, гораздо менее образована; психика её подчинена авторитету традиции, в своём поведении она руководствуется установившимся мнением и не имеет особо интенсивных интеллектуальных потребностей» [1. С. 186]. Данный подход обращается и к биологическим аргументам – так, В.А. Геодакян считает, что «процесс самовоспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность – консервативный фактор, стремящийся сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благодаря которой возникают новые признаки. Самки олицетворяют как бы постоянную «память», а самцы – оперативную, временную «память» вида. Поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с условиями внешней среды» [2. С. 33, 3]. Согласно этому подходу пол является единственно верным источником определения гендера.

На фоне развития феминистского движения и его выхода в академическую сферу особую популярность в исследовании данного вопроса приобретает парадигма социального конструктивизма, согласно которой именно гендер является системным конструктом, а пол – производным от гендера. В рамках этого подхода помимо терминов гендер и пол появляется процедура категоризации по полу, предполагающая умение вести себя в соответствии с принимаемым полом/гендером и постоянную практику воспроизводства определенного пола/гендера. Индивид в данном случае становится активным субъектом, способным к демонстрации того пола, который он «выбирает». Пол/гендер становится предметом решения индивида. Наиболее ярко это видно в ситуации, когда индивид испытывает замешательство при половом самоопределении, принимает решение (делает выбор) и сознательно начинает его конституировать [4. С. 13–16].

Между двумя представленными парадигмальными подходами есть промежуточный вариант, который, так же как и социальный конструктивизм, был актуализирован феминизмом, но не академическим его ответвлением, а социальным, направленным в

первую очередь на изменение общественного мнения и некоторых институциональных практик (либеральный феминизм). Он предполагал, что гендер – это отчасти культурный конструкт, имеющий в своем основании пол индивида. Классическая установка биологического детерминизма, выраженная в известной фразе «анатомия – это судьба», таким образом оказалась смягчена, но не преодолена полностью. Считалось, что принадлежность к определенному полу детерминирует усвоение определенных культурных практик, характерных именно для него в рамках данного общества, указывалось, что эти практики иерархически организованы и носят дискриминационный характер.

Какой из подходов наиболее популярен сейчас и почему в рамках заявленной темы необходимо их подробное рассмотрение? Как представляется для современной социологии, актуальны два парадигмальных подхода – социальный конструктивизм и предшествующая ему версия. Это связано с классическим для социологии разрывом между теоретической социологией и ее практическими основаниями. В рамках теории социология в большей степени тяготеет к парадигме социального конструктивизма, в то время как социологическое знание, формирующееся на основе практических исследований, ближе к предшествующей версии. Связано это с постепенным вхождением идеи не дихотомического разделения полов (разделения человечества на два принципиально противоположных пола – мужчин и женщин), а идеи полового многообразия, начинают признаваться промежуточные состояния между мужчинами и женщинами. Что необходимо отметить, по современным данным четкого разделения на два пола не наблюдается как на уровне элементов, верифицирующих пол как биологическую категорию (например, гормональный уровень), так и на уровне социальных и психологических характеристик. Даже классический опросник С. Бем, направленный на измерение маскулинности/феминности, предлагает не два варианта описания половой принадлежности, а три позиции (феминность, маскулинность, андрогинность), каждая из которых имеет несколько уровней [5–7].

В связи с доминированием в современной социологии социально-конструктивистского подхода, необходимо выделить следующую методологическую установку – признание маскулинности как исторического феномена, т. е. зависимого от внешних социокультурных обстоятельств. Именно поэтому изучение динамики элементов маскулинности должно сопровождаться изучением ее социокультурного контекста.

Подходы к определению маскулинности. Кризис маскулинности

Существует множество подходов к выделению ключевых черт маскулинности. Необходимо отметить, что речь идет о содержании такого понятия, как традиционная маскулинность. В рамках данной работы оно будет использоваться как синонимичное со следующими понятиями: традиционная маскулинность, нормативная маскулинность, канон маскулинности и гегемонная маскулинность. Каждое из данных понятий имеет свои нюансы употребления, но характеризуют, по сути, одно явление.

Представим взгляды Р. Бреннона и Э. Гидденса. Подход Р. Бреннона изложен в работе И.С. Кона «Мужчина в меняющемся мире» [2]. Согласно его взглядам, отличительными чертами настоящего мужчины являются следующие:

1. Необходимость отличаться от женщин. Мужчина никоим образом и ни в чем не должен уподобляться женщине. Как его внешний облик, так и социальные практики принципиально отличны от женского внешнего вида и типов деятельности.

2. Постоянная соревновательность – стремление быть лучше других. Мужчина в социальном смысле не должен находиться в покое, его состояние – это состояние дви-

жения и борьбы. Мужчина, который абсолютно удовлетворен текущим положением дел и не стремится к доказательству своего превосходства, не соответствует данной характеристике.

3. Мужчина должен быть сильным и не проявлять слабость. Речь идет как о физической силе, так и эмоциональной. Мужчина должен не только уметь физически защитить своих близких и себя, но и не должен проявлять эмоций, связанных в общественном сознании с проявлением слабости. Не случайно, широко распространено выражение «мальчики не плачут», а единственной эмоцией, легко доступной (в общественном мнении) для мужчины, является гнев.

4. Мужчина должен быть «крутым», это значит, что он не должен бояться насилия и должен быть всегда готовым принять и нанести физическое увечье.

Именно эти элементы являются обязательными характеристиками гегемонной маскулинности.

Однако помимо них необходимо выделить еще две характеристики гегемонной маскулинности – во-первых, это обязательная гетеросексуальность, во-вторых, это обязательная позиция власти, выражаемая в доминировании не только над женщинами, но и над другими, маргинализированными, группами мужчин, например, гомосексуалистами, представителями национальных меньшинств или низкоквалифицированными рабочими (Дж. Плек) [8]. И. Гартаковская, анализируя работу Э. Гидденса «Трансформация интимности», приходит к выводу, что автор выделяет следующие основные черты канона маскулинности:

1. потребность в доминировании над другими мужчинами в сфере общественной жизни;
2. двойной стандарт (что допустимо для мужчины, неприемлемо для женщины);
3. разделение женщин на «чистых» (на которых можно жениться) и «нечистых» (проституток, содержанок, ведьм);
4. понимание половых различий как священных и незыблемых;
5. представление о женщинах как о существах иррациональных, с неясными желаниями и действиями (женщина как проблема);
6. разделение труда по признаку пола [9, 10].

Из представленного перечня видно, что Э. Гидденс делает в большей степени акцент на противопоставлении мужского и женского, что полностью соответствует первой характеристике, выделенной Р. Бренноном, и укладывается в русло патриархатной идеологии.

Характерно, что процесс воспитания мальчиков во многом ориентирован на формирование именно этих характеристик. Так, Э. Бадентер в работе «Мужская сущность» [11] выдвигает следующие обязательные характеристики перехода от мальчика к мужчине: во-первых, взросление всегда осуществляется через отделение от матери, от женского начала. В этом можно увидеть и противопоставление мужчины и женщины, демонстрируемое и чертами маскулинности, выделяемыми Р. Бренноном и Э. Гидденсом. Второе обязательное условие воспитания мужчины – это становление через боль, через насилие. Явные обряды инициации, характерные для традиционного общества, неявные обряды перехода в некоторых социальных группах в современности являются этому подтверждением. Это условие напрямую коррелирует с остальными тремя требованиями нормативной маскулинности, определенными Р. Бренноном. Третьим важным условием воспитания мужчины является обязательное получение знания через индивидуальный контакт с мужчиной более старшим по возрасту и опытным. Очевидно, что напрямую это условие воспитания мальчика не связано ни с одним требованием муже-

ственности. Однако можно проследить латентную связь с требованием отличаться от женщины, что выставляет ее как существо более низкого порядка и демонстрирует, что только мужчина обладает особым знанием.

В целом данное сравнение указывает на то, что при описании гегемонной маскулинности у исследователей нет расхождений относительно ее ключевых характеристик. Однако остается вопрос – насколько она востребована и реализуется в современной практике?

Современные исследователи мужской сферы описывают ее состояние через понятие кризиса маскулинности [12–15]. Видится два основных направления ее проявления. Во-первых, в современности размывается канон маскулинности. Это находит выражение в самых разных практиках и явлениях. Например, современные исследователи говорят, что к современному мужчине начинают предъявляться противоречивые требования – в частности к традиционной норме твердости прибавляется норма способности эмоционального сопереживания, т. е., по сути, противоположная норма чувствительности, а к требованию состояться на работе (построить карьеру и быть успешным в конкурентной борьбе) добавляется требование быть хорошим семьянином, т. е. помогать по хозяйству и быть вовлеченным отцом [8, 16].

Также о падении роли гегемонной маскулинности говорит то, что прежде маргинализированные гегемонной маскулинностью группы обретают вес в публичной сфере. Например, представители гомосексуальной ориентации во многих странах Западной Европы и в США вышли из тени и активно продвигают свои интересы в правовом пространстве, в СМИ, в системе образования и т. д.

Второе направление кризиса маскулинности выражается в осознании того, что мужская роль по-прежнему сложна в исполнении, однако в современности она не так выгодна, как ранее: патриархатный дискурс во многом был поколеблен практической деятельностью феминистского движения. Если на протяжении большей части XX в. выполнение мужской роли обеспечивало приоритет в публичной сфере, то в настоящее время подобные возможности все больше и больше ставятся под вопрос. Социологи еще в конце XX в. отмечали, что женщины наряду с «угнетаемыми меньшинствами» приобрели особую политическую власть, которую могут использовать в личных целях, например, при продвижении по карьерной лестнице [17. С. 185–187]. Исследователи говорят о гендерно-ролевых конфликтах, которые сопровождают практику реализации традиционной маскулинности. Их примерами выступают:

1. Норма эмоциональной твердости приводит к неумению чувствовать и адекватно выражать собственные эмоции и формированию отношения к себе как объекту.
2. Гомофобия и боязнь тесных эмоциональных связей с мужчинами.
3. Потребность в постоянной соревновательности (часто навязанная) и контроле окружающих.
4. Проблемы со здоровьем, связанные с образом жизни, например, с потребностью демонстрировать свою мужественность через акты насилия или экстремальные виды спорта [8, 12].

Важной причиной подобных трансформаций является изменение положения женщины – благодаря активности женских движений женщина стала активно проникать в мужские сферы [2. С. 167–178]. Дискурсивный аспект данной ситуации заключается в том, что оба пола и в анализе, и в социальной практике тесно связаны друг с другом и описываются во многом через противопоставление «другому». В обстоятельствах смены повседневных практик одного элемента (женского пола) неизбежно происходит размывание характеристик другого: «...в отсутствие Другого, способного обозначить

пределы и лимиты субъекта, оказывается невозможной и (ретроспективная) локализация самого субъекта идентификации» [18].

В итоге обращение и к повседневной социальной практике, и к теоретической социологии демонстрирует появление идеи плюралистичной мужественности [19–21]. Исследователи все чаще рассматривают маскулинность не как таковую, а привязывают ее к специфичному социальному контексту – речь может идти о маскулинности рабочих или менеджеров, сельских или городских жителей и даже маскулинности «нормальных пацанов» [22–25].

Однако здесь перед исследователями встает вопрос – есть ли в настоящее время устойчивые образы маскулинности, имеющие некоторые претензии на широту/всеобщность ориентирования, или можно говорить об отдельных элементах маскулинности, которые очень вариативны для разных социальных групп.

Образы маскулинности – целостность или модели для сборки?

Несмотря на популярность темы, образы маскулинности в научной литературе довольно редко предстают в виде целостных, легко отделяемых друг от друга и верифицируемых объектов. Одна из типологий изложена в работе «Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе» [12]. Она выделяет следующие четыре типа маскулинности: гегемонная советская маскулинность, русский мужик, дворянин, аристократ и западная гегемонная маскулинность. Представитель первого типа – это актер героических исторических действий (участник войны или индустриализации страны), главная его ценностная ориентация – служить государству (государственно-патерналистская ориентация). Еще одна отличительная черта – это «способность к мужской дружбе в сочетании с готовностью подчинения». Верность принципам, выражающаяся в догматизме и нетерпимости.

Следующие два типа представляют традиционную русскую маскулинность. Российский мужик – это общинник, собственник и философ. Образ «дворянин-аристократ» предполагает в первую очередь соблюдение достаточно жесткого кодекса чести, согласно которому отношение к женщине, как к существу слабому, нуждающемуся в защите, выстраивалось в рамках патриархатной идеологии, а все поступки обсуждались в рамках моральных дихотомий. Также этот образ предполагал дебоширство, означающее личностную свободу. Идеалом данного образа являются декабристы.

Последний образ является на момент представления типологии наиболее современным – это западная гегемонная маскулинность, получившая большей частью символическое, а не реальное распространение на постсоветском пространстве с 90-х гг. XX в. Этот тип в наибольшей степени соответствует классическим канонам гегемонной маскулинности – «это образ гетеросексуального мужчины, профессионала, выполняющего мужскую работу, сексуально активного и финансово состоятельного, жестко отделяющего себя от женского мира, мира семьи и эмоций. Он отделяет себя и от тех мужчин, которые занимают более низкое положение в социальной иерархии и неспособны к соответствующим подвигам».

Другой целостный образ маскулинности представлен в работе Е.А. Потехиной «Модель «Мужчина нового типа – метросексуал» как альтернатива гегемонной маскулинности». Он демонстрирует отход от канона маскулинности [26]. Это мужчины, которые могут иметь любую сексуальную ориентацию, ярко выраженный эстетический вкус и достаточно денег для того, чтобы тратить их на совершенствование своего внешнего вида и образа жизни [27].

Операционализация позиций, явленных в теоретических дискуссиях о маскулинности, представляет собой совершенно специфический вызов при переходе на эмпирический уровень. Поэтому в качестве базы для проведения эмпирических исследований взята качественная методология. Именно качественный подход является наиболее адекватным для решения поставленных задач при опоре на теории социального конструктивизма. Он позволяет выявить не только повседневные практики участников социальных действий и их мотивы, но и подходит для исследования идеальных конструкций с множественностью различных интерпретаций одних и тех же феноменов (в частности, конкретного наполнения образа мужественности). Для гендерных исследований качественная методология, называемая также мягкой и относящаяся к понимающей социологии, в целом подходит более количественных методов [28. С. 149]. Среди множества методов следует выделить интервью. Хотя следует осознавать, что данный метод дает возможность получения информации, связанной с локальными чувствами и практикой, а также приводит к сложности и порой неверности интерпретаций, именно интервью может быть пространством для рефлексии, где возникает возможность формулирования наиболее рациональных определений и эмоциональных описаний [29].

Качественный подход в данном исследовании реализуется комплексно: использовались полуструктурированные интервью с элементами биографического метода и метод фокус-групп. В качестве информантов для интервью выступили мужчины в возрасте 25 до 41 года. Всего проведено 16 интервью. В качестве информантов для фокус-групп приглашались женщины, являющиеся матерями и воспитывающие хотя бы одного сына. Всего было проведено 5 фокус-групповых интервью, число участников в каждой от 5 до 11 человек, а время проведения составило от 1,5 до 2 часов 15 минут.

В исследовании маскулинность, в первую очередь, рассматривается как пре-скриптивная категория, которая описывает не «среднестатистического», а «идеального настоящего мужчину», а также через призму аскриптивной категории как совокупность социальных представлений, установок о том, какие качества приписываются мужчине [2. С. 197]. Таким образом, в рамках практического исследования для выяснения представлений о нормах маскулинности информантам-мужчинам задавался вопрос о том, какими качествами должен обладать настоящий мужчина. Женщин же в рамках фокус-групп помимо аналогичного вопроса спрашивали и о качествах, которые они хотят воспитать у своих сыновей.

Нужно сразу сказать, что не выявлено единодушия относительно конкретного перечня качеств, которые следует считать мужскими. Более того, сам факт наличия сугубо мужских качеств подвергается сомнению отдельными мужчинами. Часть информантов прямо утверждают, что исключительно мужских качеств нет: они не разделяют качества на мужские и женские, апеллируя к тому, что и мужчины, и женщины должны обладать некими общечеловеческими качествами.

«Я считаю, что их нет, они все придуманы. Было бы здорово, наверное, на самом деле, оперировать понятиями каких-нибудь человеческих качеств, которые были бы в основном в понимании другого человека: эмпатии, бескорыстии и так далее... нету никаких мужских качеств» (мужчина, 28 лет).

«Нет, я не считаю, что есть какие-то качества, которыми должен обладать мужчина» (мужчина, 31 год).

Если обратиться к фокус-группам с матерями, воспитывающими сыновей, то можно увидеть примерно аналогичную картину: обычно изначально всегда утверждается наличие особых мужских качеств, однако в ходе обсуждения не находится ни од-

ного, которое единогласно признавалось бы присущим сугубо мужчинам и не свойственным (или не нужного) женщинам. Исключение, пожалуй, составляет собственно «мужественность».

«Если мы про мальчиков писали, то, конечно, мужественность. Она – мальчикам, женственность – девочкам» (фокус-группа с матерями).

Однако утверждение, что мужчины должны быть мужественными не дает нам никакого прояснения относительно собственно содержания маскулинного образа, поскольку хотя отдельные авторы понятия «маскулинность» и «мужественность» различают, представляется более адекватной позиция, полагающая их синонимами, где «маскулинность» только выступает латинизированной версией русского слова «мужественность» [2. С. 197]. Таким образом, мы можем поставить знак тождества между маскулинностью и мужественностью, только первый, скорее, будет термином социальных наук, а второй используется в обыденной речи.

Это приводит к необходимости возвращения к изначальному вопросу о содержании образа маскулинности/мужественности как набора неких черт, характеристик, паттернов поведения и пр. Таким образом, очевидно, что за самим словом «мужественность» должна скрываться как минимум одна или несколько характеристик. При этом и некоторые информанты в ходе фокус-групповых обсуждений самостоятельно приходят к аналогичному выводу:

«... мужественность, я тоже считаю, это совокупность каких-то качеств» (фокус-группа с матерями).

Однако попытки уточнить конкретное содержание понятия возвращают нас к уже озвученному выше выводу об отсутствии единодушного признания отдельных специфических мужских черт.

Так, объясняя само слово «мужественность», типично называются такие характеристики, как: мужество, ответственность, а также определенный внешний вид (в других случаях эти же качества называются «через запятую» наряду с мужественностью как важные качества для мальчика). Рассмотрим каждое качество более подробно.

Слово «мужество» близко к «мужественности», они имеют общий корень – «муж». Под мужеством понимается смелость, сила духа. Однако далеко не все женщины готовы признать, что данная характеристика исключительно мужская, они утверждают, что и им лично она также присуща, да и их дочерям тоже требуется. Показательна ситуация, возникшая в одной из фокус-групп, когда участница, объясняя значимость мужества для подрастающих мальчиков и противопоставляя это качество внешним характеристикам, произносит:

«... мужество – это больше какие-то там внутренние качества. В плане там, что коня остановит... а... коня – это же девочки (общий смех)» (фокус-группа с матерями).

Безусловно, речь идет про всеми узнаваемую строку из поэмы Николая Некрасова «Мороз, Красный нос», посвященную женщинам в русских селеньях и подчеркивающую наличие у них наряду с привычно поощряемыми феминными качествами – красотой, терпением, спокойствием, традиционно мужские – выносливость, смелость, сила [30].

Иное представление о мужественности связано с внешними признаками. Речь идет о том, что мужчины должны выглядеть определенным образом, и сюда входят требования как к одежде, прическе, телосложению, росту, так и к общему создаваемому впечатлению.

«Ну, просто иногда слышишь: как ты возмужал, какой ты мужественный стал, то есть это смотрится внешне. Внешние качества: сильный, высокий, рослый» (фокус-группа с матерями).

В данном случае речь идет о воспроизводстве традиционного нормативного канона. Так, некоторые подчеркивают невозможность для «настоящих мужчин» носить розовые рубашки, другие – необходимость иметь спортивную фигуру, накаченные мышцы, а «не быть тюфяком».

«Я написала больше именно те качества, которые я бы хотела развить в своем сыне, а мужественности, мне кажется, у него достаточно... ну он у меня... даже как он выглядит, он у меня спортсмен, занимается спортом, такой... чисто внешне даже мужественный для меня» (фокус-группа с матерями).

Однако такое мнение разделяется далеко не всеми. Здесь присутствует позиция, основанная на том, что внешность может быть обманчива, о чем свидетельствуют конкретные примеры из собственного жизненного опыта. Одновременно внешние характеристики, не вписывающиеся в традиционный канон (например, «мелированная челка»), не мешают конкретным молодым людям оставаться мужественным, поскольку в данном случае важнее внутреннее наполнение «мужественности», под которым называются ответственность и готовность отвечать не только за себя, свои слова, но и за своих родных и близких.

«Мне кажется, вот это вот будет мужественность: что ты знаешь, что ты можешь положиться на него в любом [случае]».

«Ну, несомненно, ответственность, умение принимать ее на себя, то есть если ты сделал, то ты это не опровергаешь никоим образом» (мужчина, 25 лет).

Так, во всех фокус-группах ответственность называется одним из первых качеств, которые матери хотят видеть в своих сыновьях, а также во многих интервью при описании мужских качеств упоминалась ответственность как особое мужское качество.

«Вот этот внутренний стержень и ответственность – это исключительно мужское, потому что, когда у мужчины появляется семья, он становится ответственным за эту семью. Это исключительно мужское. И, соответственно, этот мужской стержень, он от отца семейства передается» (мужчина, 25 лет).

Однако при уточняющем вопросе в фокус-группах, на самом ли деле упомянутая характеристика является сугубо мужским качеством, тут же озвучиваются мнения про её универсальность.

«Человек должен быть ответственным, независимо от того, женщина это или мужчина. ... Как на него можно полагаться, если человек неответственный?» (фокус-группа с матерями).

Одно из уточняющих мнений заключается не в наличии/отсутствии важности быть ответственным для мужчин или женщин, а в степени требуемой выраженности данного качества, необходимого для представителей разного пола: в данном случае полагается, что мальчики должны вырастать более ответственными, поскольку им это качество более важно, например, в связи с необходимостью во взрослой жизни отвечать не только за себя, но и за свою семью. То есть речь идет не об альтернативности ответственности как гендерно присущего качества лишь одному полу, а о степени ее выраженности. Однако на данный тезис находится и антитезис, базирующийся на равенстве мужчин и женщин в данной сфере.

«Женщина тоже должна быть ответственной в будущем. В равной степени» (фокус-группа с матерями).

Обнаруживается позиция, согласно которой ответственность у мужчин и женщин разная, поскольку распространяется на разные зоны жизнедеятельности, при этом обычно предполагается традиционное распределение функций в семье: женщины ответственны за быт и домашние дела, воспитание детей, а мужчины – за финансовое обеспечение семьи.

«Степень ответственности, мне кажется, у мужчин и у женщин разная. У женщин она проявляется в отношении к семье, а у мужчин, наверное, – к внешнему миру» (фокус-группа с матерями).

Однако и тут позиция не столь однозначна и тверда. Тут же обнаруживается мнение, что в семье зоны ответственности могут меняться, при этом в таких случаях во главу угла ставится, скорее, рациональная функциональность, чем изначально предписываемые кем-либо мужские и женские характеристики.

«Как у нас было: у нас был муж ответственен за пропитание в семье, с ним случилась беда, я на себя взяла его ответственность, заботу о семье. А он остался с детьми, потому что в данной ситуации мне было более удобно, здоровье позволяло, в принципе, взять на себя эту ответственность. Муж выздоровел, соответственно, ответственность опять ушла на него. То есть меняются эти зоны ответственности. То есть я могу спокойно уехать куда-то, вся ответственность за детей ляжет на мужа, и он спокойно будет ими заниматься» (фокус-группа с матерями).

При этом при обращении к разделению ролей в семье мы в целом видим размытость норм мужского и женского поведения. В современных семьях все ярче проявляется эгалитаризм, связанный не только с тем, что женщины работают и порой зарабатывают на уровне или более мужчин, но и мужчины становятся ближе к детям, проявляя заботу, нежность, стремление устанавливать доверительные отношения со своими детьми [31].

Среди других качеств, которые отдельные информанты приписывают к качествам «настоящего мужчины», можно обнаружить следующие, соответствующие традиционному нормативному канону маскулинности: дисциплинированность, сдержанность, твердость характера, сила (как физическая, так и внутренняя), ум, а также активное преобразование мира, умение договариваться и наличие критического мышления.

То, что данные качества нужны мужчинам, не оспаривается никем, однако, как и во всех описанных выше случаях, нельзя признать за данными качествами их исключительно мужской характер. В современном обществе данные качества нужны и представительницам женского пола.

Отдельно следует отметить мнение, согласно которому принятые в обществе традиционные мужские качества имеют негативный характер и связаны, прежде всего, с насилием, что исходит из жизненного опыта информанта проживания с отцом, наблюдением за ситуациями в других семьях:

«А мужские качества, если какие-то традиционные брать, там всегда будет что-то связано с насилием, стойкостью такой, то есть возможностью применять насилие и навыками сопротивляться этому насилию» (интервью с мужчиной, 28 лет).

Таким образом, в современном обществе модель мужественности весьма размыта. Обнаруживается отсутствие не только единых представлений касательно содержательной наполненности образа маскулинности, но и отсутствие единодушия относительно самого наличия сугубо мужских качеств. Несмотря на то, что наблюдается доминирование традиционного нормативного представления (информанты указывают на то, что к мужчинам и женщинам предъявляются разные требования и, содержательно описывая мужские черты, выделяют требования, соответствующие традиционной модели, –

твердость, ответственность, не эмоциональность, умение держать слово и защитить близких), также имеется точка зрения, что мужчины и женщины должны обладать универсальными общечеловеческими качествами. Хотя в целом можно выявить некие характеристики, которые условно конвенционально должны быть свойственны «настоящим мужчинам», дискуссия и рефлексия самих информантов приводит их к выводам условности и относительности данных характеристик. К тому же последующий анализ не позволяет выявить какие-либо качества, которые признаются как исключительно принадлежащие мужчинам и не требующиеся для женщин в современном обществе. Нетвердость мужских нормативных образов связана с кризисом маскулинности и, как следствие, появлением множественной маскулинности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-03-00842 «"Настоящие" мальчики: современные вызовы социализации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. – СПб.: Союз, 1998. – 494 с.
2. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.
3. Taylor S. The Tending Instinct: Women, Men and the Biology of Relationships. – New York: Henry Holt, 2003. – 308 p.
4. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход: монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 13–16.
5. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 336 с.
6. Что если не все люди – мужчины и женщины. URL: http://www.bbc.com/russian/society/2016/01/160113_gender_beyond_binary (дата обращения: 10.10.2017).
7. Кто вы – мужчина или женщина? Ответ не так прост, как кажется. URL: <http://www.bbc.com/russian/vert-fut-36807294> (дата обращения: 10.10.2017).
8. Берн Ш. Гендерная психология. – М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 320 с.
9. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
10. Тартаковская И. Рецензия на книгу Э. Гидденса «Трансформация интимности» // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 214–219.
11. Бадэнтэр Э. Мужская сущность. – М.: Новости, 1995. – 304 с.
12. Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 432–451.
13. Ушакин С.А. Видимость мужественности // Женщина не существует. Современные исследования полового различия / под ред. И. Аристарховой. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1999. – С. 116–132.
14. Лунин А.А. Кризисы маскулинности и причины трансформации образа мужчины // Молодой ученый. – 2016. – № 12. – С. 772–776.
15. Barnett R., Biener L., Baruch G.K. Gender and Stress. – New York: Free Press, 1987. – 386 p.
16. Cherlin A. The Marriage-Go-Round: The State of Marriage and the Family in America Today. – New York: Alfred A. Knopf, 2009. – 271 p.
17. Бергер П., Бергер Б. Стратифицированное общество // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический проспект, 2004. – С. 171–194.
18. Ушакин С.А. Человек рода он: знаки отсутствия // О муже(N)ственности: сборник статей / сост. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16681811/> (дата обращения: 27.10.2017).
19. Anthony M. Selling with Emotional Intelligence: 5 Skills for Building Stronger Client Relationships – Chicago: Dearborn Trade, 2003. – 273 p.
20. Grandey A., Diefendorff J., Rupp D. Emotional Labor in the 21st Century: Diverse Perspectives on Emotion Regulation at Work. – New York: Routledge Academic, 2013. – 344 p.
21. Thomson K. Emotional Capital: Capturing Hearts and Minds to Create Lasting Business Success. – Oxford, UK: Capstone, 1998. – 344 p.

22. Галиндабаева В.В. Головары или истинные буряты?: репрезентации сельской маскулинности в Бурятии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 5 (20). – С. 113–132.
23. Ваньке А.В., Тартаковская И. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. – 2016. – Т. 25. – № 4. – С. 136–153.
24. Костерина И.В. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11. – № 4. – С. 122–140.
25. Рождественская Е.Ю. Как муже-бытие определяет муже-сознание: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности: сб. статей. / сост. С. Ушакин. – М.: Изд-во Новое Лит. Обозрение, 2002. – С. 268–287.
26. Klinenberg E. Going Solo: the Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. – New York: Penguin Press, 2012. – 288 p.
27. Потехина Е.А. Модель «Мужчина нового типа – метросексуал» как альтернатива гегемонной маскулинности // Вестник Ленинградского Государственного Университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 4. – С. 77–85.
28. Малышева М.М. Анализ качественных данных в гендерных исследованиях // Гендерный калейдоскоп / под ред. Воронина В.А. и др. – М.: Academia, 2002. – С. 146–169.
29. Haywood C., Mac an Ghail M. Men and masculinities: theory, research, and social practice. – Buckingham: Open University, 2003. – 190 p.
30. Некрасов Н.А. Поэмы для детей старше 16 лет. – М.: Детская литература, 2013. – 232 с.
31. Фридрих И.А. Мужчина в современной российской нуклеарной семье: автореф. дис. ... канд. наук. – Тюмень, 2012. – 22 с.

REFERENCES

1. Durkheim E. *Samoubiystvo: sotsiologichesky etyud* [Suicide: sociological etude]. St-Petersburg, Soyuz Publ., 1998. 494 p.
2. Kon I.S. *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in a changing world]. Moscow, Vremya Publ., 2009, 496 p.
3. Taylor S. *The Tending Instinct: Women, Men and the Biology of Relationships*. New York, Henry Holt, 2003. 308 p.
4. Zdravomyslova E., Temkina A. *Sotsialnoe konstruirovaniye gendera kak metodologiya feministkogo issledovaniya* [Social construction of gender as a methodology of feminist research. Russian gender order: sociological approach: monograph]. Eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina. St-Petersburg, Publishing house of European University in Saint-Petersburg, 2007, P. 13–16.
5. Bem S. *Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 336 p.
6. *Chto esli ne vse lyudi – muzhchiny i zhenshchiny* [What if not all people – men and women]. Available at: http://www.bbc.com/russian/society/2016/01/160113_gender_beyond_binary (accessed 10 October 2017).
7. *Kto vy – muzhchina ili zhenshchina? Otvet ne tak prost, kak kazhetsya* [Who you are – male or female? The answer is not as simple as it seems]. Available at: <http://www.bbc.com/russian/vert-fut-36807294> (accessed 10 October 2017).
8. Bern S. *Gendernaya psikhologiya* [Gender psychology]. Moscow, Praym-Evroznak Publ., 2004. 320 p.
9. Giddens E. *Transformatsiya intimnosti* [Transformation of intimacy]. St-Petersburg, Piter Publ., 2004. 208 p.
10. Tartakovsky I. *Retsenziya na knigu E. Giddensa «Transformatsiya intimnosti»* [Review of the book «Transformation of intimacy», E. Giddens]. Sociological journal, 1995, no. 4, pp. 214–219.
11. Badinter E. *Muzhskaya sushchnost* [Manhood]. Moscow, Novosti Publ., 1995. 304 p.
12. Zdravomyslova E., Temkina A. *Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse* [The Crisis of masculinity in late Soviet discourse]. *O muzhe(N)stvennosti*. Composer S. Ushakin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. pp. 432–451.
13. Ushakin S.A. *Vidimost muzhestvennosti* [Appearance of masculinity]. *Zhenshchina ne sushchestvuet. Sovremennye issledovaniya polovogo razlichiya* [A woman does not exist. Modern studies of gender difference]. Ed. by I. Aristarkhova. Syktyvkar, SyktGU Publ., 1999. pp. 116–132.
14. Lunin A.A. *Krizisy maskulinnosti i prichiny transformatsii obraza muzhchiny* [Crisis of masculinity and the reasons for man image transformation]. *Molodoy ucheny*, 2016, no. 12, pp. 772–776.
15. Barnett R., Biener L., Baruch G.K. *Gender and Stress*. New York, Free Press, 1987. 386 p.
16. Cherlin A. *The Marriage-Go-Round: The State of Marriage and the Family in America Today*. New York, Alfred A. Knopf, 2009. 271 p.

17. Berger P., Berger B. Stratifitsirovannoe obshchestvo [A Stratified society]. *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya* [Self-oriented sociology]. Moscow, Akademicheskii Prospekt Publ., 2004. pp. 171–194.
18. Ushakin S.A. Chelovek roda on: znaki otsutstviya [About masculinity: a collection of articles]. Comp. S. Ushakin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16681811/> (accessed 27 October 2017).
19. Anthony M. *Selling with Emotional Intelligence: 5 Skills for Building Stronger Client Relationships*. Chicago, Dearborn Trade, 2003. 273 p.
20. Grandey A., Diefendorff J., Rupp D. *Emotional Labor in the 21st Century: Diverse Perspectives on Emotion Regulation at Work*. New York, Routledge Academic, 2013. 344 p.
21. Thomson K. *Emotional Capital: Capturing Hearts and Minds to Create Lasting Business Success*. Oxford, UK, Capstone, 1998. 344 p.
22. Galindabaeva V.V. Golovary ili istinnye buryaty?: reprezentatsii selskoy maskulinnosti v Buryatii [Golovars or true Buryats?: representations of rural masculinity in Buryatia]. *Journal of sociology and social anthropology*, 2017, no. 5 (20), pp. 113–132.
23. Vanke V.A., Tartakovskiy I. Transformatsii maskulinnosti rossiyskikh rabochikh v kontekste sotsialnoy mobilnosti [Transformation of masculinity of Russian workers in the context of social mobility]. *Universe of Russia*, 2016, vol. 25, no. 4, pp. 136–153.
24. Kosterina I.V. Konstrukty i praktiki maskulinnosti v provintsialnom gorode: gabitus «normalnykh patsanov» [The constructs and practices of masculinities in a provincial town: the habitus of «normal boys»]. *Journal of sociology and social anthropology*, 2008, vol. 11, no. 4, pp. 122–140.
25. Rozhdestvenskaya E.Yu. Kak muzhe-bytie opredelyaet muzhe-soznanie: opyt rekonstruktsii maskulinnoy identichnosti srednego i rabocheho klassa [The way man-essence determines the man-consciousness: the experience of reconstruction of masculine identity of the middle and working class]. *O muzhe(N)stvennosti*. Comp. S. Ushakin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. pp. 268–287.
26. Klinenberg E. *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. New York, Penguin Press, 2012. 288 p.
27. Potehina E.A. Model «Muzhchina novogo tipa – metroseksual» kak alternativa gegemonnoy maskulinnosti [The Model of the «new type of Man – the metrosexual» as an alternative to hegemonic masculinities]. *Bulletin of Leningrad State University. A.S. Pushkin*, 2015, no. 4, pp. 77–85.
28. Malysheva M.M. Analiz kachestvennykh dannykh v gendernykh issledovaniyakh [Qualitative data analysis in gender studies]. *Genderny kaleydoskop*. Moscow, Academia, 2002. pp. 146–169.
29. Haywood C., Mac an Ghail M. *Men and masculinities: theory, research, and social practice*. Buckingham, Open University, 2003. 190 p.
30. Nekrasov N.A. *Poemy dlya detey starshe 16 let*. [Poem for children older than 16 years]. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 2013. 232 p.
31. Friedrich I.A. *Muzhchina v sovremennoy rossiyskoy nuklearnoy seme*. Avtoref. Kand. Dis. [Man in the modern Russian nuclear family. Cand. Diss. Abstract]. Tyumen, 2012. 22 p.

Дата поступления 30.10.2017